

Театр и драматургия Гоголя

нуть к счастью и свободе. Сам Гоголь определил задачу «Ревизора» как задачу общественной комедии-сатиры.

«В «Ревизоре», — заявлял он, — я решил собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал... и за одним разом посмеяться над всем».

Смех Гоголя обладал такой силой жизни, таким острым чутьем действительности, такой смелостью нападения и такой широтой и глубиной охвата, что маленький уездный городок, представленный в «Ревизоре», оказался вернейшей копией феодально-самодержавной Российской империи с ее верховным насильником Николаем I.

Гоголь ни единым штрихом не смягчил картину самоуправства, взяточничества, кривосудия, бесконечного произвола, царивших в условиях царского самодержавия. Картина жизни одного уездного городка оказалась верна для тысяч уездных и губернских городов царской России, для ее столицы, верна для всей империи крепостного насилия и полицейского произвола. Каждый читатель и зритель «Ревизора», где бы он ни жил, непременно встречался с гоголевским городничим, имел дело с гоголевским почтмейстером, имел несчастье судиться у гоголевского судьи и принужден был отдавать своих детей под розгу гоголевского «смотрителя училищ». Иными словами, каждый, читал ли он «Ревизора» или видел его на сцене, узнавал в его персонажах «знакомые все лица» чиновных насильников в разных мундирах и признавал горькую правду той страшной картины, которую нарисовал в «Ревизоре» Гоголь.

Впечатление, произведенное в театре гоголевским «Ревизором», было необычным в истории русской сцены.

Артистов поразила новизна пьесы, ошеломил ее беспощадный реализм и, быть может, среди них только один М. С. Щепкин в то время понял все значение «Ревизора», как великой общественной комедии. Этот отец русского сценического реализма, актер-демократ, писал Гоголю: «Благодарю Вас от души за «Ревизора» — не как за книгу, а как за комедию, ко-

торая, так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно уже я не чувствовал такой радости, ибо мои радости сосредоточены в одной сцене». Щепкин понимал, что с появлением «Ревизора» началась новая эпоха в истории русского театра — торжество реалистической правды и общественной мысли.

Гоголь в свою очередь писал ему о той буре ненависти, которую возбудила его комедия среди тех, кто больно почувствовал на себе силу грозного удара смелого смеха:

«Все против меня. Чиновники кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях; полицейские против меня, купцы против меня; литераторы против меня. Бранят и ходят на пизсу... Уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия».

Мы выразились бы теперь точнее Гоголя, заменив слово «сословия», словом «классы», но смысл остался бы тот же: против писателя поднялись все те, чье классовое господство над народом охранялось городничими и держимордами.

Комедия Гоголя «Женитьба» также принесла автору большой успех. «Что комедия без правды и злости», — писал драматург еще при первой мысли о создании этой пьесы.

Таким было все творчество Гоголя. Его правда — это строгая верность действительности, беспощадный реализм, его злость — это сила критического изображения современной писателю действительности, это сатирический суд над бывшими незорными хозяевами жизни, над собакевичами и городничими.

«Купцы против меня», — заметил Гоголь после постановки «Ревизора»; они стали еще более против великого писателя после комедии «Женитьба». Он первый поднял завесу над тем темным царством наживы и корысти, самодурства и невежества, которое, следуя Гоголю, изобразил впоследствии Островский в ряде своих комедий.

Весь театр Гоголя — это театр, воинствующий против угнетателей народа, изо-

бличающий корысть и насилие правящих классов. Вот почему революционные демократы Белинский и Герцен так высоко ценили гоголевскую драматургию. Они видели в его грозном смехе одно из сильных оружий борьбы с правящими классами феодально-самодержавной империи, построенной на крепостном рабстве народа. Гениальный народный поэт Н. А. Некрасов писал о Гоголе:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой...
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья.

Гоголь проповедовал деятельную любовь к народу, грозным словом отрицания карая его врагов.

Великий драматург-борец отзывался на самые живые запросы современности, умел распознавать врагов народа и наносить им разящие удары. В то время, как его современники, драматурги Запада — Скриб, Дюма, Лабиш, Ожье — видели в комедии лишь приятную забаву, услаждавшую буржуазных зрителей, Гоголь, по выражению Некрасова, из своей «карающей лиры» извлекала звуки гнева и протеста.

Драматургия Гоголя имела огромное значение для создания русской школы театрального реализма. Вслед за Гоголем, следуя его школе, выступили Островский, Тургенев, Салтыков, Сухово-Кобылин, Чехов, Горький. Они создали яркие реалистические произведения, в которых сказана великая правда о русском народе, о его творческой силе, жизненной мощи, и они же с «сатирической злостью», по примеру Гоголя, избличали эксплуататорские классы в их преступлениях.

Бесстрашие гоголевского реализма, смелость общественно-политической мысли писателя, глубокая народность и вместе с тем высокая человечность его драматургии явились замечательной школой для советских драматургов, стремящихся правдиво отразить многогранную жизнь советского народа и его вдохновенный труд. Патриотизм гоголевской драматургии — патриотизм борьбы за благо народа — живет в советской драматургии и воодушевляет со-

ветских актеров. Жив и карающий смех Гоголя-драматурга.

В советской стране нет городничих и держиморд. Но насильники всякого рода не перевелись еще за священными рубежами нашей Родины. Белинский справедливо писал о том, что сатира Гоголя охватывает огромный круг явлений за пределами России:

«Те же чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не покупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга».

«Парламентский мерзавец» не лучше гоголевского Ляпкина-Тяпкина из уездного суда. Гоголевский городничий, в другом мундире, за рубежом, продолжает насильничать, охраняя интересы магнатов капитала. Либерально-буржуазные хлестаковы продолжают там морочить доверчивые головы своим враньем о необыкновенном якобы «процветании» демократии за океаном. Бобчинские и добчинские буржуазной печати широко разносят это хлестаковское вранье.

Великий русский писатель и драматург Н. В. Гоголь и ныне живет в своей суровой правде, донныне действителен в своей сатире. Едкостью своего сарказма, направленного против лицемеров в общественной жизни, смелостью своего обличения всяческих насильников в жизни народов он участвует в борьбе всех лучших людей нашей современности за правду и мир.

Как неутомимый ревизор, гоголевский смех — свободный, смелый, беспощадный — донныне избличает ложь лицемеров и насильников, которые думают сбить человечество с прямого пути правды, свободы и счастья.

Грозный смех Гоголя карает всех, кто ложью и насилием пытается задержать торжество человечности в человеке и человечестве.

С. ДУРЫЛИН,
Профессор, доктор филологических наук.

ЛИХОВИЦКАЯ ЗВЕЗДА
г. Хабаровск

27 ФЕВ 1952